остальных князей, принимавших участие в битве на Куликовом поле, стремление всюду поставить его рядом с великим князем московским не подлежит сомнению. Но нет никаких оснований говорить, что „Сказание“ прославляет Владимира Андреевича в такой же степени, как и Дмитрия Донского. Отношение автора к этому князю на протяжении всего памятника неизменно и полностью соответствует идее всего произведения в целом; образ этот ни в какой степени не выпадает из системы всех образов „Сказания“, и поэтому нет причин считать, что для изображения князя серпуховского автор прибегал к какому-то другому литературному произведению. Выделение же Владимира Андреевича из числа всех остальных князей объясняется тем, что он и на самом деле по старшинству в феодальной иерархии стоял сразу же после Дмитрия московского; кроме того, особая близость между великим князем московским и князем серпуховским объясняется тем, что Владимир Андреевич владел „третью“ в Москве.

Как уже было отмечено выше, при характеристике образа великого князя московского в „Сказании“ постоянное упоминание двух братьев рядом, подчеркивание преданности и любви князя серпуховского к князю московскому, т. е. младшего старшему, наглядно иллюстрировало на их примере феодальную преданность младшего князя князю старшему. Автор настойчиво подчеркивает, что Владимир Андреевич — младший подчиненный князь великому князю московскому. Владимир Андреевич предстает перед читателем постоянным спутником великого князя московского, человеком без собственной инициативы — он лишь выполняет волю Дмитрия Донского.

Один, без великого князя московского, Владимир Андреевич выступает в „Сказании“ два раза: в рассказе о засадном полке и в рассказе о поисках великого князя после боя. Но и в этих эпизодах он очень несамостоятелен. В сущности, весь эпизод с засадным полком прославляет не серпуховского князя, а воеводу князя московского — Дмитрия Боброка Волынца. Формально старший в засадном полке — князь серпуховский, но во всех своих действиях он подчинен Волынцу. Время, когда полк должен выехать из засады, определяет Волынец, он же направляет воинов в битву („а стязи их направлены крепким воеводою Дмитрием Волынцем“). Во втором эпизоде Владимир Андреевич поневоле должен быть старшим. Великого князя нет на поле битвы, его ищут, а Владимир Андреевич — первый после него, и поэтому он временно как бы возглавляет все русское войско. Но и в этом случае он пассивен и беспомощен, он не знает, что ему делать без великого князя, „победы победителя“, он в совершенном отчаянии, так как без Дмитрия теряется всякий смысл победы: „Аще пастырь поражен и овцы разыдутся, кому сиа честь будеть, кто победе сей явися?“. Таким образом, и в этом эпизоде автор „Сказания“ ставит перед собой задачу подчеркнуть, что не князь серпуховский — глава засадного полка, решившего исход боя, был настоящим „победы победителем“, а великий князь московский, без которого русское войско окажется как овечье стадо без пастыря.

Судя по ряду летописных записей, мы видим, что Владимир Андреевич был незаурядным военным полководцем: он принимал участие во всех походах Дмитрия Донского, многими военными операциями великого князя он руководил самостоятельно. Владимир Андреевич возглавлял оборону Москвы во время угрозы нашествия Тамерлана в 1395 году и во время Едигеева нашествия в 1408 году. Все это дает основание предполагать, что он должен был играть важную роль и в Куликовской